

5. Навіцкі, У. Палітыка расколу Рускай праваслаўнай царквы ў Беларусі (1920-ыя гг.) / У. Навіцкі // Беларус. гіст. часоп. – 2003. – № 3. – С. 18–24.

6. Цымбал, А. Г. Абвяшчэнне аўтакефаліі Праваслаўнай царквы ў ІІ Рэчы Паспалітай (першая палавіна 1920-х гг.) / А.Г. Цымбал // Весці НАН Беларусі. Сер. гум. навук. – 2009. – № 4. – С. 78–87.

7. Слесарев, А.В. Церковная деятельность В.М. Борового в годы немецкой оккупации Беларуси (1941–1944) / А. В. Слесарев // Хронос: церк.-ист. альманах. 2017. – № 4. – С. 125–141.

8. Рэйн, Л. Праваслаўная царква ў Беларусі за нямецкай акупацыяй (1941–1944) / Л. Рэйн // Arche. №5 (68). – 2008. – С. 260–294.

9. Слесарев, А. В. Исторические обстоятельства и политические предпосылки церковного раскола белорусской эмиграции в 1948–1949 гг. / А. В. Слесарев // Хронос: церк.-ист. альманах. 2017. – № 5. – С. 83–110.

10. Шумскі, Я. Саветызацыя Заходняй Беларусі (1944–1953). Прапаганда і адукацыя на службе ідэалогіі / Я. Шумскі. – 2-е выд. – Смаленск: Інбелкульт, 2014. – 326 с.

11. Гардзіенка, А. Палітычны раскол на беларускай эміграцыі ў 1940-я г. / А. Гардзіенка. – Рэжым доступу: <http://krytyka.by/by/page/science/historya-navuka/9294>

12. Гардзіенка, Н. // Рада БНР (1947–1970): Падзеі. Дакументы. Асобы / Н. Гардзіенка, Л. Юрэвіч. – Мінск: Кнігазбор, 2013. – 648 с.

УДК 94:32.019.52-055.2(476.2):322«192»

С. М. Генчикова

Гомельскі гасударствены
універсітэт імя Франціска Скарыны

ОТНОШЕНИЕ ЖЕНСКОЙ ЧАСТИ НАСЕЛЕНИЯ ГОМЕЛЬЩИНЫ К РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В 1920-Е ГОДЫ

В данной статье рассматривается отношение женской части населения Гомельщины к антирелигиозной политике советской власти в 1920-е годы. Автор на основе материалов местных партийных и советских органов показывает, что большая часть

женщин Гомельщины, оставаясь глубоко верующей, не поддерживала антирелигиозную политику советской власти.

С установлением советской власти в Беларуси произошли резкие изменения, затронувшие практически все сферы жизни общества, в том числе религию и Церковь [1, с. 18]. Среди первых действий советской власти было издание декрета СНК РСФСР «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» (2 февраля 1918 года), в котором говорилось об отделении церкви от государства и школы от церкви [2, с. 371]. Несмотря на официальное признание большевиками «свободы совести», борьба против религии и церкви как института в пролетарском государстве с 1918 г. велась по нескольким направлениям: ликвидация как политической силы, экономической базы, и планомерное уничтожение культовых заведений, священнослужителей [3, с. 243]. Немаловажная роль была отведена и антирелигиозной пропаганде среди населения. Коммунисты отмечали, что наиболее верующей частью населения были люди старшего и среднего возраста и в особенности женщины [4, с. 23]. Н. Крупская, советский государственный, партийный деятель, одна из идеологов советского образования и коммунистического воспитания молодежи, с 1929 г. занимавшая пост заместителя наркома просвещения РСФСР, в своем труде «Основы политико-просветительной работы» в главе «Работница и религия» писала: «Если вы зайдете в церковь, то увидите, что там женщин куда больше, чем мужчин. Из мужчин больше всего стариков, а женщин много и пожилых и молодых. Крестный ход идет – опять-таки толпа состоит почти из одних женщин. Даже те, кто развитее, крепко держатся за обрядность. Случается, и коммунистки иконы у себя держат» [5].

Женщины, в большинстве своем, оставаясь наиболее консервативной частью населения, не желали мириться с антирелигиозной политикой большевиков. Наиболее радикальные выступления по противодействию политике закрытия церквей и антирелигиозной политике большевиков на Гомельщине проходили с участием именно женщин. Это можно проследить на материалах местных партийных и советских органов.

23 апреля 1922 г. на имя председателя ЦИК БССР А. Червякова, возглавлявшего Центральную белорусскую комиссию по изъятию церковных ценностей, пришла телеграмма, в которой сообщалось, что верующие Буйновичской волости Мозырского уезда во главе с местным священником решили не допустить изъятия в

местной церкви. При этом, «в отношении женщин, рьяно препятствовавших изъятию и подвергавших красноармейцев побоям камнями, пришлось применять нагайки» [6, с. 146–147].

В Гомеле на собрании католиков по случаю изъятия костельных ценностей женщины «подняли вой», бросали в докладчика песок, называли коммунистов-поляков «жандармами». В результате, по сообщению ГПУ, были задержаны 10 человек, из которых 7 предстали перед судом. 7–8 мая 1922 г. в Гомеле состоялся судебный процесс. Их обвинили, что они сорвали собрание, на котором должно было быть принято решение «о необходимости изъятия ценностей для закупки за границей хлеба для голодающих». Собравшиеся игнорировали слова представителя польской секции Маркевича. «Слова его прерывались криками, насмешками и оскорблениями. Наконец, от толпы отделилась кучка человек в 20 во главе с Вандой Избицкой и, с камнями в руках бросилась на Маркевича» [6, с. 144–145].

В газете «Полесская правда» за 26 апреля 1922 г. в статье «Стыдно, добрушцы!», приводятся следующие факты: «В воскресенье 23 апреля в Добруше состоялось общее собрание рабочих бумажной фабрики. [...] Докладчиков из Гомеля, гг. Нейбаха и Хатаевича, слушали очень внимательно, после докладов и небольших прений почти единогласно была принята резолюция о полной поддержке и одобрении Советской власти. Но докладчик т. Нейбах внес в резолюцию поправку об изъятии ценностей, и тут-то поднялась буча. Женщины, которых на собрании было чуть не больше половины, подняли настоящий бунт. При голосовании поправки она получила до 50 голосов за и более 150 женских голосов против, остальные воздержались» [1, с. 45].

Высокая религиозность женщин на Гомельщине наблюдалась на протяжении всех 1920-х гг., что отмечалось в ряде документов и материалов того времени. В «Известиях Гомельского губернского комитета РКП(б)» от 1924 г. в номере № 73 писали: «Фанатизм религиозный глубок, особенно среди женщин. На сходах после докладов о культпросветработе в деревне всегда старые женщины задают вопросы: “А почему ксендза нет, почему в школе не преподают закон божий”» [1, с. 98].

В 1925 г. жителям д. Кустовицы Мозырского района была дана следующая характеристика: «религия одно из самых больных мест деревни. Особенно крепко за нее держатся женщины [...] вплоть до делегаток. Многие женщины говорят: “мы бы давно записались в Партию, если бы в ней не запрещали молиться”» [4, с. 23].

В отчете о религиозных настроениях крестьян в Кормяном сельсовете Королинского района за август 1926 г. говорится: «Религиозное настроение сохранилось в виде традиции. Надо осветить зелень или пасху, – идут в церковь. Родился ребенок – зовут попа. Как отрицательный момент нужно отметить отсутствие случаев внецерковной свадьбы» [1, с. 55].

Нередко отмечалось, что и среди жен партийных работников, в их семьях также сильны религиозные традиции. Например, в 1927 г. на собраниях и конференциях, посвященных XV Съезду РКП(б) часто звучали вопросы, «что думает съезд по поводу того, что имеются жены партийцев, соблюдающие религиозные обряды», «што рабіць з тымі сябрамі партыі, у якіх кабеты (жонкі) панясуць свяціць пасху», «что делать, если нельзя жену переубедить в отношении религиозных обрядов» и т.д. [7, л. 1,50].

В отчете о работе польской школы-передвижки в д. Рудня-Нисимковичская Чечерского района в 1928 г. сообщалось: «В деревне имели место сильные религиозные настроения среди женщин и девушек» [4, с. 23].

Но были и женщины, которые приняли официальную политику советского государства, поддерживали мероприятия, проводимые советской властью, активно им содействовали. В основном это были партийные работницы, служащие советских учреждений. Так, на общем собрании женщин колхоза «Красный пахарь» 30 сентября 1929 года одним из вопросов повестки дня была «Религия и её вред». Женщины-активистки выступали, убеждая в том, что «в религиозные праздники нужно работать, что праздновать-то в общем нечего. Хватит верить в глупости». В результате, прослушав доклад «О вреде религии», они постановили, что колхозники присоединяются к тому, что «религия это дурман, которым пользуется нэпман, кулак, враг рабочих масс. Собрание колхозников констатирует необходимость выйти всем друзьям колхоза на работу в дни праздников» [8, л. 1]. Таково было отношение к религии женщин, делавших партийную карьеру.

Начиная с конца 1920-х гг., проводится очередная государственная кампания по закрытию церквей, которая сопровождалась массовым сопротивлением местного населения, в первую очередь женщин [1, с. 15]. В специальной сводке Гомельского Окротдела ГПУ БССР от 28 марта 1930 года «Ход закрытия церквей в деревне и перегибы в антирелигиозной работе» отмечалось следующее: «Имеющиеся данные о ходе собраний по вопросу закрытия церквей отмечают, что в основном решения о закрытии принимаются большинством присутствующего на

собраниях крестьянского населения, причем, как правило, никто против предложения не голосовал, предпочитая, по крайней мере, воздерживаться. [...] Женская часть крестьянского населения проявила наиболее упорное сопротивление закрытию». Так, женщины срывали собрания, требовали удаления мужчин, голосовавших за закрытие [1, с. 140].

Женщины разными способами пытались противостоять антирелигиозной политике. В спецсводке ГПУ за март 1930 г. отмечалось, что «в поселке Добруш, в связи с вопросом о закрытии церкви, было специально созвано собрание родителей и учащихся школы 7-ми летки, на котором присутствовали исключительно женщины и мужчин человек 5. Все предыдущие вопросы внутришкольного значения были решены спокойно, но когда объявили о том, что требуется согласие родителей на закрытие церкви, то поднялся большой шум и крик. Со стороны присутствующих раздавались выкрики: «что, нам иконы мешают, разве нам за них продналог платить, а церковь мешает?». Когда секретарь собрания пошел с подписным листом за закрытие по партам, то от него женщины бежали, и все оставили собрание, кроме нескольких человек, изъявивших согласие на закрытие церкви. В дальнейшем собрание удалось продолжить с большим трудом, но вопрос о церкви был снят» [1, с. 141].

Часто женщины думали, что на местах совершаются перегибы в проведении партийной линии, не верили, что это общегосударственная политика. Ведь Советская власть и ВКП(б) официально заявляли, что в отношении религии, церкви и верующих обеспечена полная свобода совести. В специальных сводках Гомельского Окротдела ГПУ БССР за тот же 1930 г. отмечались следующие суждения граждан: «в селе Уть Тереховского района беднячка Третникова Ульяна в присутствии ещё 20 человек женщин, которые её поддержали, высказалась, обращаясь к комсомольцу, проходившему мимо: «как вы смеете и какое вы имеете право закрывать нам церковь, что вы построили её, мы будем жаловаться на вас, из Москвы нет приказа закрывать церковь, да ещё вы думаете силой загнать в коллектив».

Помимо отказа подписывать бумаги по закрытию церкви, женщины распространяли различные слухи, как например, в деревне Великий Бор, Хойницкого района, Кожужко Василиса, «в связи с постановкой в деревне вопроса о закрытии церкви, распространила слухи о том, что если церковь заберут под клуб, то она сторит» [1, с. 142].

В документах отмечалось, что только за март 1930 г. «зафиксировано по округу 3 случая конфликтов и одно массовое выступление верующих женщин, на почве явных перегибов в процессе проведения закрытия церквей и безобразных поступков со стороны отдельных работников, которые, доходя до простого хулиганства, не могли не вызвать возмущения со стороны верующего населения». «Простое хулиганство» заключалось в ломке и битье икон, расстреле их из охотничьих ружей, издевательства над предметами религиозного культа, которое вызвало массовое выступление около 200 женщин в деревне Новый Радин Комаринского района. В результате трое из женщин были арестованы сельсоветом [1, с. 143].

В деревне Макеновичи Хойницкого района после решения общего собрания о закрытии церкви, сельсовет опечатал церковь и самостоятельно взялся проводить опись имущества. «К моменту составления описи собралось 35 человек женщин, которые заявили, что не допустят сделать опись. С разъяснением со стороны комиссии выступила Долгая Анна, которая стала уговаривать женщин, чтобы они не препятствовали составлению описи, но женщины набросились на неё и хотели избить, чего не допустили другие члены комиссии. Бывший при этом милиционер Хойницкой раймилиции арестовал Грищенко Ульяну, после чего присутствующие женщины разошлись» [1, с. 144].

Таким образом, в 1920-е гг. отношение женщин Гомельщины к антирелигиозной политике большевиков было скорее негативным. Большая часть женского населения не поддерживала антирелигиозную политику советской власти. Соппротивление носило как пассивный характер, которое выражалось в соблюдении религиозной традиционной обрядности (посещение культовых заведений, соблюдение поста, венчание, крещение младенцев, отпевание покойных и др.), так и в форме открытого протеста. Женщины не только смело высказывали свое мнение по данному вопросу, но в случае необходимости готовы были силой не допустить проведения антирелигиозных мероприятий в жизнь.

Список источников и литературы

1. Конфессии на Гомельщине (20-30-е годы XX в.): док. и материалы / сост.: М. А. Алейникова [и др.]; под ред. В. П. Пичукова; редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск: НАРБ, 2013. – 388 с.: ил.

2. Декреты Советской власти: сборник документов. Т. 1. 25 октября 1917 – 16 марта 1918 гг. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Ин-т ист. Академии наук СССР. – М.: Политиздат, 1957. – 626 с.

3. Замоийский, А. С. Трансформация местечек Советской Белоруссии 1918–1939 / Андрей Замоийский. – Минск: И. П. Логвинов, 2013. – 418 с.

4. Лебедев, А. Костел и власть на Гомельщине (20-30-е годы XX в.) / А. Лебедев, В. Пичуков, кс. Славомир Лясковски. – Варшава – Люблин – Гомель, 2009. – 470 с.

5. Крупская, Н. К. Основы политико-просветительной работы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://public.wikireading.ru/140498>. – Дата доступа: 12.11.2018.

6. Лебедев А. Д. Кампания советской власти по изъятию церковных ценностей на Гомельщине в 1922 г. // Православие на Гомельщине: историко-культурное наследие и современность: сборник научных статей. / Г. А. Алексейченко (отв. ред.). – Гомель: ГГУ, 2010. – С. 141–149.

7. Перечни вопросов, рассмотренных на конференциях, собраниях и лекциях по материалам XV партсъезда, вопросам белорусской литературы, религии // Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Фонд 3. – Оп.1. – Д.286.

8. Протокол общего собрания женщин «О религии и её вреде» 1929 г. // ГАООГО. – Фонд 72. – Оп.1. – Д.43.

УДК 341.43«1939–1941»(438)(476)

Д. М. Толочко

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1939–1941 ГОДЫ)

Автор приходит к выводу, что советской власти по отношению к католической церкви в Западной Беларуси в сентябре 1939 – июне 1941 гг. была осторожной. Это объяснялось нежеланием со стороны советской власти обострять национальную (большинство католиков были поляками) обстановку в регионе.